

Мама была против. А зря!

Она не рвется в звезды и трезво оценивает свои возможности (тоже, между прочим, не каждому дано). Профессиональное кредо Ирины Удаловой — терпение и труд. Ее природа — воплощенный лиризм, светлый, лучистый, очень славянский, с отблесками потаенного драматизма. Ее голос — крупное лирико-драматическое сопрано — свободно льющийся, акустически объемный: кажется, можно потрогать. Этот голос можно сравнить с хрустальным водопадом или с алмазной иглой, рассекающей пространство. На прошлогодних гастролях Большого театра в Америке его даже назвали «вагнеровским».

...Отвечать на вопросы «кто» и «откуда» ей приходилось часто. Потому, наверное, она научилась так интересно рассказывать свою жизнь, похожую на пьесу с запутанным сюжетом.

Ирина Удалова — потомственная казачка. Станица Куцевская на Кубани, степи, вековые казачьи обычаи, мамино пение... Про оперу не знала до музучилища, зато с малых лет непрерывно пела — повторяла звуки, которые слышала. Теперь вспоминает, как заслушивались у забора соседки, как улыбалась жюри, слушая на смотре самодеятельности ее глужие «взрослые» песни про любовь...

Всегда представляла себя артисткой. С концертной бригадой Дома культуры выступала в степи перед сборщиками урожая. А когда судьба забросила семью в Бендеры, юная певунья одновременно устроилась на шелковый комбинат лаборанткой и попала в известный вокально-хореографический ансамбль «Приетение» («Дружба»). Успела даже выступить на ВДНХ и... поступить в техникум легкой промышленности. Но тут вмешались друзья (а может, судьба?), чуть ли не силой заставив поехать в Кишинев прослушаться в училище. Когда поступила, педагог торжественно изрек: «Да, вы огорчите свою маму, вы — зачислены» (а мама была очень даже против).

Отучившись по двум специальностям — дирижирование и вокал, — легко и естественно стала студенткой Института искусств имени Г. Музическу. Вышла замуж за однокурсника. По окончании ее пригласили в Кишиневскую оперу, Юру — мужа — в филармонию, а хотелось петь вместе, в одних спектаклях. Разложив оставшиеся предложения, выбрали... Ашхабад, Туркменский театр оперы и балета имени Махтумкули.

В 1978 году республиканский театр переживал творческий подъем, помимо туркменской классики основу репертуара составляли западные и русские оперы. Надев светлый костюм, шляпку, раскрыв зонтик, Удалова впервые вышла в свет рампы кокетливой англичанкой Элен в «Лакме» Л. Делиба. В глазах туман, ноги ступали, как в вату. Пела автоматически. А затем — целое ожерелье непохожих, подчас контрастных образов: Нед-

да в «Паяцах», Микаэла в «Кармен», Чио-Чио-Сан, Сафи в «Цыганском бароне», Татьяна, Иоланта, Земфира... Любимый спектакль — «Бал-маскарад»; вместе с мужем спела его тридцать раз. Но все же хотелось проверить себя по большому счету, поэтому — участие в конкурсах. И... неудача за неудачей. Один раз была рекомендована на Международный конкурс в Софию, но — судьба-злодейка! — заболела воспалением легких, и никакая Болгария. Отчаиваясь, впрочем, было некогда: в новой постановке — «Макбет» Верди — она репетировала роль коварной леди.

Русские в театре работали «на полную катушку», на них держался западноевропейский репертуар. А как звания и «праздничный пирог», то для этого существуют солисты с туркменскими фамилиями — «гордость национальной культуры». Удалову не раз включали в списки на звания и премии, но в последние минуты ее фамилию исключали...

Как-то вдруг вспомнились слова известной туркменской певицы М. Шахбердыевой: «Погодите, она еще споет в Большом театре». Вспомнила и дружелюбный разговор на конкурсе имени Глинки с Ириной Архиповой: «В нашей стажерской группе такие голоса сейчас очень нужны, приезжайте!» Вспомнила и решила показаться в главном театре страны. Позвонила заведующему оперной труппой А. Орфенову: мол, так и так, Архипова приглашала. И услышала в ответ, что вакантных мест нет и даже гениальную певицу взять бы не смогли. А потом Анатолий Иванович добавил по секрету: что поделаешь, если театр — «позвоночный»! С тем и уехала.

И не петь бы ей в Большом, если бы не подруга, собиравшая о конкурсе в стажерскую группу. С трудом пробилась на первый тур: не было ни направлений, ни рекомендаций — ничего, кроме голоса. В назначенный срок вышла на сцену Бетховенского зала с каватиной леди Макбет. На втором туре — Аида и Лиза. Третий тур — с оркестром на основной сцене. Пела арию Амелии из «Бала-маскарада». Всем стало ясно: поет не начинающая «консерваторка», а сложившийся мастер. Тогдашний главный дирижер Ю. Симонов предложил два варианта: либо временно стать стаже-

Ирина Удалова

ром, либо ждать освобождения штатных мест.

Все «прелести» стажерской жизни Удалова хлебнула сполна. Соглашалась на любые условия, выходила на сцену в релях прислуги — на три слова или пару фраз. И это — после вчерашних триумфов и положения «примы». На общее самочувствие накладывались и смена климата, и бесконечные стрессы, и отказ мастеров в консультациях. Реальной стала опасность творческой деградации, и вот уже заговорили об отчислении. Но Марк Эрмлер доверил ей партию Эммы в «Хованщине». Слова этого маститого дирижера «Она мне нужна» фактически решили ее судьбу. С 1987 года Удалова — солистка ГАБТа.

Впервые ее по-настоящему заметили в «Младце». Следуя указаниям постановщиков о «двойной игре», Удалова гармонично вписалась в их проект «тотальной театральности». Сохраняя аромат индивидуальности, растворялась в общей массе. Играя примадонну императорских театров, в свою очередь иг-

рающую злодейку — отравительницу, ратарскую княжну Войславу, она тянула ниточку от когда-то не воплощенной леди Макбет.

С интересом рассказывала Ирина Удалова о репетициях Бориса Александровича Покровского, о его стремлении «поселить» персонажа в артиста, когда не остается ничего твоего... После «Млады» она работала с ним в «Орлеанской деве» (пожалуй, лучшая партия Удаловой на сегодня), а теперь — на репетициях «Князя Игоря».

...Мягкость, созерцательность, уравновешенность — это Ирина Удалова в жизни. Конечно, как у всех, бывают обиды или просто плохое настроение, но она умеет об этом забывать. По гороскопу она — Буйвол (год) и Стрелец (месяц): два знака уравнивают друг друга.

В отличие от многих любит загадывать и говорить о планах. Считает это необходимым «вживанием в будущее». В минувшем сезоне стала реальностью давняя ее мечта — партия дeвы Февронии в опере Римского-Корсакова. «Юдифь» А. Серова — тоже сбывшееся. Главная партия записана на компакт-диски фирмы «Шан дю мон». Первый тираж уже вышел в Германии. Дойдет ли до нас? И состоится ли концертное исполнение забытого шедевра, не раз уже переносившееся и отменявшееся? А в Большом театре готова петь Аиду, Амелию, Леонору в «Трубадуре», Купаву в «Снегурочке», Марию в «Мазепе». Учат на итальянском «Тоску» и «Паяцев». Дело лишь за спектаклями...

Андрей ХРИПИН.